

УДК 94(100)

DOI: 10.28995/2073-6339-2020-1-64-77

Восприятие интернирования
в годы Первой мировой войны в эгодокументах
и литературных произведениях:
на примере наследия К.А. Федина

Наталья В. Ростиславлева

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, ranw@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматривается восприятие процесса интернирования в годы Первой мировой войны в эгодокументах и литературных произведениях известного советского писателя, первого секретаря Союза писателей СССР, а затем председателя Союза писателей СССР К.А. Федина. Автор на основе анализа документов Российского государственного архива литературы и искусства показывает, что в автобиографии К.А. Федина упоминается о своем интернировании на территории Германской империи в годы Первой мировой войны. Этот факт его биографии нашел отражение в романах «Города и годы» и «Я был актером». Автор, сопоставляя их содержание с документальными материалами, делает вывод, что в этих романах, несмотря на изменение имен и названий городов показаны особенности перцепции интернирования, указаны важнейшие особенности положения гражданского пленного в Германии, связанного с многочисленными ограничениями юридического, политического и личного характера. С точки зрения методологии истории эмоций в статье рассматриваются эмоциональные аспекты рецепции интернирования. Показана амбивалентность восприятия интернированных граждан враждебных государств немецким населением, а также рецепция Федина в последующей жизни своего положения интернированного и государства, которое его интернировало в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, Германская империя, интернирование граждан враждебных государств, К.А. Федин

Для цитирования: Ростиславлева Н.В. Восприятие интернирования в годы Первой мировой войны в эгодокументах и литературных произведениях: на примере наследия К.А. Федина // Вестник РГГУ. Серия «Политология. История. Международные отношения». 2020. № 1. С. 64–77. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-1-64-77

© Ростиславлева Н.В., 2020

Perception of Internment during
the First World War in the Ego-Documents
and Literary Works
(on the example of the heritage of K.A. Fedin)

Natalia V. Rostislavleva

*Russian State University for the Humanities, Moscow Russia,
ranw@mail.ru*

Abstract. The author considers the perception of the internment process during the First World War in the ego-documents and literary works of the famous Soviet writer, First Secretary and then Chairman of the Union of Writers of the USSR K.A. Fedin. The author of article, based on an analysis of documents from the Russian State Archive of Literature and Art, shows that in his autobiography K.A. Fedin mentions his internment on the territory of the German Empire during the First World War. That fact of his biography was reflected in the novels “Cities and Years” and “I was an actor”. The author, comparing their contents with documentary materials, concludes that, in spite of the change of names and cities, the features of internment perception are shown, the most important features of the situation with internees in Germany are indicated and are associated with numerous restrictions of a legal, political and personal nature. From the point of view of the methodology of the history of emotions, the article considers the emotional aspects of the perception of internment. It shows the ambivalence of the perception of interned citizens of enemy states by the German population. The ambivalence of the perception of interned is shown as well as the ambiguity of Fedin’s reception later in the life of his position as an internee and of the state that interned him during the First World War.

Keywords: the First World War, German Empire, Internment of Enemy Aliens, Konstantin A. Fedin

For citation: Rostislavleva, N.V. (2020), “Perception of Internment during the First World War in the Ego-Documents and Literary Works (on the example of the heritage of K.A. Fedin)”. *RSUH/RGGU Bulletin. “Political Science, History, International Relations”*. Series, no. 1, pp. 64–77. DOI: 10.28995/2073-6339-2020-1-64-77

Одной из инноваций Первой мировой войны стал феномен интернирования граждан вражеских государств, который до сих пор остается одним из наименее изученных явлений. Общее число интернированных за годы Первой мировой войны до сих пор не подсчитано [Stibbe 2008, p. 49]. Нередко они находились в лагерях,

причем в Германии число субъектов, находящихся в заключении с июня 1915 г. до октября 1918 г. возросло от 48 513 до 111 879 человек [Stibbe 2006]. Точное число интернированных российских подданных неизвестно и, видимо, продуктивно изучать феномен гражданского плена относительно отдельных социальных групп.

Представляет интерес исследование отдельных случаев интернирования российских интеллектуалов, которые по разным причинам приехали в Германию, и с началом военных действий не могли ее покинуть в силу их возраста и пола¹.

Довольно репрезентативный пример – положение в качестве интернированного в будущем интеллектуала и крупного советского писателя, первого секретаря Союза писателей СССР в 1959–1971 гг., а затем председателя правления Союза писателей СССР (1971–1977) К.А. Фебина. Это абсолютно неизученный материал. Он представляет интерес в связи с введением в научный оборот новых, ранее неопубликованных документов, а также с использованием в качестве источника так называемого нелинейного нарратива, т. е. художественных произведений К.А. Фебина, где точность протокола сочетается с высотой художественного изложения, а также в рамках привлечения для изучения этих материалов методологии истории эмоций.

По понятным причинам в советское время в опубликованных биографиях К.А. Фебина о его интернировании писалось одной строкой, что он в качестве студента 4-го курса Московского коммерческого института (ныне это Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова) приехал в Германию для изучения языка, где его и застала Первая мировая война, и он был интернирован [Bauerkämpfer 2014, p. 5].

В неопубликованной автобиографии писателя, которая хранится в Российском государственном архиве литературы и искусства, по этому поводу написано:

Сараевский выстрел застал меня в Баварии, в Нюрнберге. Жил я бедно, бил баклуши, дружил с рабочими от Шукерга и студентами из Эрлангена. <...> В деревне Штейн, на фабриках Фабера и других местах, где танцульки устраивались скрипачом был².

---

¹Интернированию в Германии подвергались граждане вражеских государств – мужчины от 17 до 45 лет. Действия России и Германии по интернированию граждан вражеских государств были практически зеркальными.

²Российский государственный архив литературы и искусства (далее – РГАЛИ). Ф. 1817. Оп. 2. Ед. хр. 14. Л. 2.

Вскоре Федин покинул Нюрнберг и отмечал в автобиографии, что повсюду по вокзалу были расклеены листовки о борьбе со шпионажем. Таким образом осуществлялось воздействие через информацию общественного пространства на эмоции немецкого населения, создавалась атмосфера истерии и шпиномании, формировалась необходимая для военного времени национальная культура безопасности [Старков 1987, с. 7, 16]. В Дрездене Федин был арестован германскими властями. Там образовалась большая группа русских гражданских пленных. В основном это были молодые интеллигенты [Чипига 1996, с. 146–147]. Страх и ужаса не было. Федин так писал в автобиографии по поводу ареста: «Было смертельно скучно и, видно, со скуки, учился я рисунку у русского художника Сегаля»³, который также был интернирован. Федина и эту большую группу в дальнейшем сослали в г. Циттау, что на границе Чехии. Среди них был Борис Юхновский, с которым Федин подружился в Циттау. Будущий писатель осмысливал этот период не только с точки зрения его прав, а скорее эмоционально, поскольку насилие среди гражданского населения тесно связано с эмоциями. Он писал: «Королевская полиция оставила много горя и много радостей; был все эти незабываемые годы гражданским пленным № 52, был другом немцев-художников, немцев-социалистов, русских солдат и русских романтиков»⁴. В скупых строчках автобиографии нет осмысления самого процесса интернирования.

Какой была повседневность гражданского пленного? Интернированные сами себя содержали, они работали, причем, например, в качестве сезонных рабочих, которые также подвергались интернированию. Германия была заинтересована, так как они обеспечивали уровень и темпы производства [Плохотнюк 2018, с. 95]. Интернированные молодые интеллигенты содержали себя самыми разными способами. Так, Федин поступил хористом в городской театр города Циттау. Он писал в автобиографии: «Через месяц получил первую партию. <...> После чего утвердился в амплуа комического баса. Играл в театрах Герлица, Аннаберга, ездил с дрянненькими труппами по саксонским селам»⁵.

Федин всю жизнь вел дневники. Так, он отмечал в своем дневнике (от 21 октября 1928 г. до 14 мая 1930 г.), что этим занимался, начиная с 1913 г., когда он начал вести свой первый дневник. Второй дневник он вел в Циттау и добавлял, что это было «очень плодотворное время, записки о войне, о германском тыле, роман “Глушь”, рассказы» и

³ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 2. Ед. хр. 14. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 3.

⁵ Там же.

указывал: «Многое – в “Городах и годах”»⁶. Третий дневник он вел в Герлице летом 1918 г. Второй дневник, который содержит самую важную для нашей темы информацию, наряду с первым и четвертым дневниками, был им сожжен в 1925 г. в Москве. Третий дневник, где он описывал свою жизнь в Герлице, потерялся в Германии⁷.

В 1924 г. вышел роман Федина «Города и годы», где его пребывание в плену получило художественное осмысление. Позже он опубликовал новеллу «Я был актером», над которой работал в 1930, 1936–1937 гг. Писатель утверждал, что «в военной части “Городов” фальши нет»⁸. Роман «Города и годы» со сложной композицией и некоторым налетом экспрессионизма. Более автобиографична новелла «Я был актером».

Представляется важным на примере этого материала в рамках истории эмоций установить границы между публичным и частным пространствами чувств [Плохотнюк 2018]. Так, в дневнике от 29 сентября 1929 г. Федин размышлял над прочитанным им романом Ремарка «На западном фронте без перемен» и подчеркивал, что «это лучшая книга о войне, написанная со дня объявления войны. <...> Некоторые моменты чтения я чувствовал себя так же как осенью 1918 года, когда после четырехлетнего плена пробирался через Германию на родину, с котомкой за спиной, что нам осталось в этом мире? <...> я отметил несколько мест у Ремарка, удивительно совпадающих с отдельными мотивами в моих “Городах”. Особенно поразительные совпадения о нации (стране) и оскорблении»⁹. Советский писатель разглядел стилистические, а главное, эмоциональные совпадения. Ремарк писал: «...ритмика, тональность (патетически – “О жизнь, жизнь. Жизнь”. У меня – “о люди, люди, люди <...> ...именно в этом ритме я чувствовал, именно эти мотивы заполнили меня, я уловил их верно, они были свойственны этому времени, были законом. В распознавании этого закона я не допустил ошибки»¹⁰. Этот дневник до сих пор не опубликован, более того, наследники, отдав его в РГАЛИ, оговорили, что для доступа к нему требуется особое разрешение от них, т. е. это не советский официоз. Здесь мы сталкиваемся с глубоко личным переживанием интернированного человека, но Федин в своих эмоциях, эмоциях романа Ремарка разглядел закон, и тем самым замахнулся на пространство чувств нации [Langeweische 2012].

⁶ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 3. Д. 2. Л. 5.

⁷ Там же. Л. 6.

⁸ Там же. Л. 52.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же.

В 1921 г. в автобиографии Федин писал: «После октября 17-го года тщетно добивался разрешения на въезд в Россию. При помощи друзей-спартаковцев был принят на службу в первое наше после войны посольство в Берлине, в отдел по охране военнопленных. Этого было достаточно, чтобы германские власти сопроводили меня на Восточный фронт, любезнейше вручив Советского посольства паспорт и смешав меня с толпой хромых, безруких, чахоточных и умирающих, которые звались солдатами Российской армии»¹¹. Это пронзительное описание конца гражданского плена Фебина, для которого пребывание в Германии в качестве интернированного закончилось относительно благополучно.

К сожалению, не удалось пока обнаружить иных документальных материалов о пребывании Константина Фебина в Германии в качестве интернированного, но уже упоминавшиеся его два художественных произведения, как отмечал это и сам писатель, вполне передают эмоциональное переживание, а также раскрывают многие общие моменты повседневной жизни интернированного российского интеллигента.

Как отмечалось, в Циттау была направлена целая группа интернированных. Так, в новелле «Я был актером», Федин проводил мысль, что все устали от войны: «Все мы думали одинаково: “Черт знает, когда же наступит конец распроклятой войне?”»¹². Повествование ведется от первого лица, и автор сравнивал Циттау с «благоустроенной богадельней», отмечал сдержанно вежливую атмосферу, т. е. той истерии, которая была на уровне политики, не было [Богомолов 2019, с. 89–114]. Автор писал: «Секретарь полиции раскланивается с нами точно с кумовьями. Городские собаки давно перестали на нас лаять. Домашние хозяйки со слезами сочувствия, штопали нам носки»¹³. Автор писал о проявлении со стороны немцев в повседневной жизни абсолютно человеческих чувств. Хозяйка арестованного и помещенного в тюрьму гражданского пленного из России Розенберга, которой он, кстати, остался должен за квартиру, просит передать ему туда баночку яблочного мармелада¹⁴.

С началом войны был арестован находившийся в Германии герой романа «Города и годы» студент Андрей Старцев, прототипом

¹¹ РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 2. Ед. хр. 14. Л. 3.

¹² *Федин К.А.* Я был актером // *Федин К.А.* Собрание сочинений. М., 1960. Т. 6. С. 1.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 53.

которого был сам Федин¹⁵. Старцев был сослан в вымышленный город Бишофсберг, под которым следует понимать Циттау. После прибытия на новое место, обязательна явка в полицию, куда нужно было приходить регулярно и в определенное время. Пятиминутное опоздание вызывало нарекания со стороны полицейских. В новелле «Я был актером» автор указывал, что «впредь за пятиминутное опоздание нас – подданных вражеского государства, находящегося с Германией в состоянии войны, – будут сажать в концентрационный лагерь»¹⁶. В романе «Города и годы», также показана эта рутинная процедура обязательного регулярного посещения полиции. «Каждый камень на этом пути, всякая живая тварь, всякий взгляд и каждый окрик давно известны, давно изучены, как ногти на руке, как обносившийся сапог, как разводы и пятна потолка над изголовьем постели. Вот здесь перед входом в полицию <...> тетка Майер»¹⁷. В романе Андрей Старцев был также интернированным под номером пятьдесят два, как и сам Федин в реальной жизни¹⁸, т. е. несмотря на вежливость немецкого населения, положение интернированного было сопряжено с жесткими нормами, которые регулировались законодательно.

Вторая проблема – поиск работы. Судя по роману, интернированные этим занимались сами. Кто-то нашел работу во фруктовом магазине, кто-то, например автор (читай К. Федин. – *Н. Р.*), в театре.

Что касается проявления чувств интернированных, то автор писал в новелле «Я был актером»: «Любовь нам запретил магистрат», уточняя: «За общение с немецкой женщиной нас, русских, сажали в лагерь. Приходилось ловчить, и только неотвязная страсть толкала девушек к рискованным аферам»¹⁹. Хотя это, безусловно, украшало и оживляло их повседневность. В обоих произведениях есть любовная линия героя. Герой новеллы «Я был актером» описывает любовь с немецкой девушкой Гульдой, с которой они вместе испытывали страсть к экспрессионизму, как художественному направлению, журналу “*Aktion*”, но необходима была строгая конспирация. Например, посадили в лагерь его знакомого Шера, которого якобы видели с немецкой девушкой, хотя на самом деле вместо него с девушкой шел другой человек. Но особо не разбирались. Его тут же пригласил секретарь полиции и отдал распоряжение посадить в лагерь на месяц. Рефрен властей

---

¹⁵ Федин К.А. Города и годы. М., 1987. С. 103–104.

¹⁶ Федин К.А. Я был актером. С. 11.

¹⁷ Федин К.А. Города и годы. С. 130.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Федин К.А. Я был актером. С. 18.

Германии – «...волочиться за немецкими девушками мы не допустим, нет! В нас еще не угас патриотизм, нет!»²⁰.

Любовная линия героев Федина соответствует истине. Так, в 1916 г. К.А. Федин познакомился в Циттау с любимой девушкой Ханни Мрва, которая и стала прототипом романов его героинь, посвященных западной теме. В фонде Саратовского музея К. Федина хранятся 25 писем от Ханни [Чипига 1996, с. 147]. Причем когда в 1928 г. Федин оказался в Германии, то он не скрывал, что главной его целью было посещение крошечного Циттау, где он прожил годы гражданского плена и встретил свою любовь. В 1928 г. в Циттау он посетил могилу Ханни [Чипига 1996, с. 147]. Это сильное индивидуальное чувство, которое резко отграничено от чувств нации. Насилие, которое он переживал со стороны Германии как враждебный иностранец, отчасти ушло в тень, было вытеснено эмоциями.

Произведения Федина показывают эмоциональную амбивалентность местного населения, т. е. не только приветливость, но и проявление враждебности. Молодые люди вызывали подозрительность уже тем, что если они молоды и здоровы, но не на фронте, значит они враждебные иностранцы. Федин описывал, как трех интернированных (актер, художник и книгочей папаша Розенберг в пенсне) из России чуть не зарубил тесаком баварский ландштурмист, который распознал в них русских²¹.

Проявление патриотизма интернированными вписывается в осознание ими чувства нации. Так, интернированный актер заявил в частной беседе, что в день рождения кайзера отказывается петь гимн: «Я не собираюсь участвовать в Вашей манифестации»²². Но это скорее бравада, так как интернированные старались вести себя осторожно, поскольку лагерь находился рядом с городом. «Он был обнесен колючей проволокой и между ней и задними стенами барakov ходили ландштурмисты»²³. Отмечалось, что летом, во время вызревания хлеба, учащались побегии, а осенью – самоубийства. «И летом, и осенью, во все времена года пленные мерли от голодного истощения». «Лагерь был скопищем обреченных, которых власти утешали вечным и единственным припевом: “Вам тут хорошо, а каково нашим у вас в Сибири?”». «Почти каждый день в лагере бывали похороны. <...> Сомкнутым солдатским строем разрастались там (на кладбище. – *Н. Р.*) ряды черных деревянных крестов». При захоронении соблюдали национальную традицию погребения:

---

²⁰ Федин К.А. Я был актером. С. 20–21, 29.

²¹ Там же. С. 19.

²² Там же. С. 29.

²³ Там же. С. 41.

отпевали, даже специально для этого существовал хор пленных. «Византия, ориент, ортодоксия» – слова, которыми описывали хор пленных в местной газете²⁴. С точки зрения истории эмоций создание такой ситуации следует оценивать как эмоциональный режим страха, т. е. это эмоциональные нормы, которые навязывали германские власти [Hitzler 2011, p. 9].

Интернированные постоянно сталкивались с немецкой пропагандой, более того, их самих пытались сделать орудием этой пропаганды. Например, чтобы сократить свое пребывание в плену, им предлагалось написать домой «как немцы человечны в обращении с ними, как они прощают своих врагов»²⁵. Впрочем, была пропаганда и с другой стороны, когда в лагере интернированных в Бишофсберге из романа «Города и годы» один из русских интернированных врач Сидоркин, пользуясь своим правом собирать у пленных различных насекомых, призывал воевать до победы над Германией, заявляя, что якобы царя свергли, потому что он был за мир. «Но слышны и другие бессмысленные голоса, что в Германии случилась революция, и будто бы тогда будет мир со всеми нациями»²⁶.

Надзор над гражданскими пленными проявлялся не только в необходимости им регулярно посещать полицию и не покидать места пребывания. Полиция контролировала квартиры, где проживали интернированные, проводила в них обыски. Что искали? В основном антивоенную литературу. Такие книжки выпускали часто швейцарские издательства, поэтому, например, как писал Федин, «у Розенберга забрали все издания швейцарских издательств, даже карту альпийской растительности». Вскоре он был арестован и помещен в тюрьму дрезденской полиции²⁷. В романе «Города и годы» показан обыск бельгийского интернированного гражданина Перси, которого арестовали за изъятую во время обыска тетрадь с изображением бельгийского флага и тенденциозно подобранными вырезками из газет²⁸.

Передвижение интернированных контролировалось властями: им не разрешалось покидать пределы населенного пункта, куда их направили. Эпизод в романе «Города и годы» показывает, как героя романа Андрея Старцева сняли с поезда, так как у него не оказалось при себе документов. Его поместили в вокзальную тюрьму, чтобы затем доставить в военную комендатуру. Он сумел сбежать, его спас

---

²⁴ Федин К.А. Я был актером. С. 41–42.

²⁵ Там же. С. 45.

²⁶ Федин К.А. Города и годы. С. 215–216.

²⁷ Федин К.А. Я был актером. С. 46, 52.

²⁸ Федин К.А. Города и годы. С. 138–139.

местный житель, знакомый его девушки, Шенау, который дал ему записку, что тот якобы «по слабости здоровья содержался у него в течение трех дней, чем и вызвана его неявка перед надлежащими властями»²⁹.

В романе «Города и годы» есть также подтверждение вывода, сделанного в работах Т. Маурер, что академические интересы оказывались во время войны нередко сильнее политических [Mauger 2019, p. 189]. Там же Федин описал эпизод, как декан медицинского факультета заявлял, что «до сведения медицинского факультета дошло, что во вверенном вам лагере интернирован русский дивизионный врач Сидоркин, собравший за время своего пленения особо замечательную коллекцию распространителей разного рода инфекций. <...> Настоящим письмом просим вас, Господин комendant, разрешить названному русскому пленному войти в письменные сношения с медицинским факультетом о приобретении последнему упомянутой коллекции»³⁰.

В обоих произведениях автор изображал дружбу с социал-демократами. Как известно, немецкие социал-демократы – это те представители гражданского общества, которые критиковали политику интернирования германских властей.

Факты, упомянутые в автобиографии К.А. Фебина и в его произведениях, нередко совпадали. Так, герой новеллы «Я был актером» описывал, как он заболел испанкой, а надо было исполнять Вагнера³¹. С таким же фактом мы сталкиваемся, изучая автобиографию Фебина. «Самое смешное и почему-то жуткое: как в Герлицком театре, больной испанкой, в хоре вагнеровских мастерзингеров запел чужую партию»³².

После заключения Брестского мира для героя из романа «Города и годы» наступила долгая дорога в Россию на фоне эмоциональных споров о германском патриотизме, который российским интернированным, возвращающимся домой воспринимался уже как ненависть к чужим, а не любовь к своему народу. Но несмотря на это, герой романа Андрей восклицал по поводу своего пребывания в Германии в качестве интернированного: «...оказывается здесь <...> в этой тюрьме я жил по-настоящему. И теперь я оставляю родного человека»³³.

Это ощущение настоящей жизни нашло затем отражение в дневниках писателя конца 1920 – начала 1930-х гг., когда Федин

²⁹ Федин К.А. Города и годы. С. 182–184, 191.

³⁰ Там же. С. 215.

³¹ Федин К.А. Я был актером. С. 72.

³² РГАЛИ. Ф. 1817. Оп. 2. Ед. хр. 4. Л. 3.

³³ Федин К.А. Города и годы. С. 228, 230.

с воодушевлением описывал свое путешествие по Германии. А его роман «Города и годы» «свидетельствует о том, что он был для Федина на протяжении всей его жизни путеводной звездой и своего рода талисманом» [Чипига 1996, с. 148].

На политическом уровне в Германии было резкое проявление враждебности к гражданским пленным, в том числе и в интеллектуальных рядах, что нашло отражение в существовании эмоциональной истерии и репрессивной политики интернирования. На уровне гражданского общества Германии, хотя и минимальная, но была поддержка интернированных граждан враждебных государств. В практиках повседневности политический аспект нередко уступал место академическому, экономическому, эмоциональному аспектам, что вполне можно установить при анализе эгодокументов и художественных произведений, созданных интернированными. Перцепция ситуации в эгодокументах и художественных произведениях также показывает амбивалентность ситуации.

Благодарности

Статья выполнена в рамках гранта «Безопасность и гражданское общество в России и Германии в годы Первой мировой войны. Соотношение процессов интернирования гражданского населения воюющих государств в 1914–1917 гг.» Российского фонда фундаментальных исследований и Немецкого научного сообщества, грант № 19-59-12006\19.

Выражаю благодарность внуку К.А. Федина К.А. Роговину, который позволил работать с фондами К.А. Федина в РГАЛИ, имеющими ограниченный доступ для исследователей.

Acknowledgements

This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research and German Foundation and Deutsche Forschungsgemeinschaft of project “Security and Civil Society in German and Russia during the First World War. The Internment of Civilian “Enemy Aliens” in the bilateral Relationship 1914–1917”, no. 19-59-12006\19.

I express my gratitude to the grandson of K.A. Fedin, K.A. Rogovin, who opened access in order to work with K.A. Fedin archives at RGALI, which have a restricted access for researches.

Литература

- Богомолов 2019 – *Богомолов И.К.* «Охотно верилось, что крови не прольется»: русские подданные в Германии и Австро-Венгрии накануне и в начале Первой мировой войны // Россия и Германия в годы Первой мировой войны: между безопасностью и гуманностью / Отв. ред. Н. Ростиславлева, А. Бауэркемпер. М.: РГГУ, 2019. С. 89–114.
- Плохотнюк 2018 – *Плохотнюк Т.Н.* Регламентация положения российских подданных в Германии после начала Первой мировой войны // Гуманитарные и юридические исследования. 2018. № 4. С. 93–98.
- Старков 1987 – *Старков А.* Вступительная статья // Федин К.А. Города и годы. М.: Советская Россия, 1987. С. 5–11.
- Чипига 1996 – *Чипига Г.И.* «Судьба моих книг страшит меня и печалит...» // Русская литература. 1996. № 2. С. 146–162.
- Bauerkämper 2014 – *Bauerkämper A.* Einleitung: Sicherheitskulturen. Konzeptionelle Überlegungen aus geschichtswissenschaftlicher Perspektive. Sicherheitskulturen im Vergleich. Deutschland und Russland/UdSSR seit dem späten 19. Jahrhundert / A. Bauerkämper, N. Rostislavleva (Hg.). Paderborn: Schöningh, 2014. S. 7–31.
- Hitzer 2011 – *Hitzer B.* Emotionsgeschichte – ein Anfang mit Folgen [Электронный ресурс]. URL: <http://hsozkult.geschichte.hu-berlin.de/index.asp?id=1221&view=pdf&pn=forum&type=forschungsberichte> (дата обращения 15 октября 2019).
- Langewiesche 2012 – *Langewiesche D.* Gefühlsraum Nation. Eine Emotionsgeschichte der Nation, die Grenzen zwischen öffentlichem und privatem Gefühlsraum nicht einebnet. Zeitschrift für Erziehungswissenschaft. 2012. October. Vol. 15. Issue 1 Supplement. P. 195–215.
- Maurer 2019 – *Maurer T.* „Akademische Bürger“ und „feindliche Ausländer“: Rußländer an deutschen Universität im Ersten Weltkrieg // Россия и Германия в годы Первой мировой войны: между безопасностью и гуманностью / Отв. ред. Н. Ростиславлева, А. Бауэркемпер. М.: РГГУ, 2019. С. 280–290.
- Stibbe 2006 – *Stibbe M.* The Internment of Civilians by Belligerent States during the First World War and the Response of International Committee of the Red Cross [Электронный ресурс] // Journal of Contemporary History. 2006. Vol. 41. No. 1. URL: <http://www.jstor.org/stable/30036367> (дата обращения 16 октября 2019).
- Stibbe 2008 – *Stibbe M.* Civilian internment and civilian internees in Europe, 1914–1920 [Электронный ресурс] // Immigrants & minorities. Vol. 26. No. 1–2. P. 49–81. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/02619280802442597> (дата обращения 16 октября 2019).

References

- Bauerkämper, A. (2014), „Einleitung: Sicherheitskulturen. Konzeptionelle Überlegungen aus geschichtswissenschaftlicher Perspektive“, in Bauerkämper, A., Rostislavleva, N., Hg., *Sicherheitskulturen im Vergleich. Deutschland und Russland/UdSSR seit dem späten 19. Jahrhundert*. Schöningh, Paderborn, S. 7–31.
- Bogomolov, I.K. (2019), “‘It was readily believed that blood would not be shed...’: Russian Subjects in Germany and Austria-Hungary on the eve and at the beginning of the First World War”, in Rostislavleva, N., Bauerkemper, A., eds., *Rossiya i Germaniya v gody Pervoi mirovoi voiny: mezhdru bezopasnost’yu i gumannost’yu* [Germany in the Years of the First World War: Between “National Security” and Humanity]. RGGU, Moscow, Russia, pp. 89–114.
- Chipiga, G.I. (1996), “*The fate of my books scares me and saddens...*”, *Russkaya literature*, vol. 2, pp. 46–162.
- Hitzer, B. (2011), *Emotionsgeschichte – ein Anfang mit Folgen* [Online], H-Soz-Kult 23.11.2011, available at: <http://hsozkult.geschichte.hu-berlin.de/index.asp?id=1221&view=pdf&pn=forum&type=forschungsberichte> [Accessed on 16 Oct. 2019].
- Langewiesche, D. (2012), “Gefühlsraum Nation. Eine Emotionsgeschichte der Nation, die Grenzen zwischen öffentlichem und privatem Gefühlsraum nicht einebnet“, *Zeitschrift für Erziehungswissenschaft*, vol. 15, issue 1 Supplement, pp. 195–215.
- Maurer, T. (2019), „Akademische Bürger“ und „feindliche Ausländer“: Rußländer an deutschen Universität im Ersten Weltkrieg, in *Rostislavleva N., Bauerkemper A., eds. Rossiya i Germaniya v gody Pervoi mirovoi voiny: mezhdru bezopasnost’yu i gumannost’yu* [Russia and Germany in the Years of the First World War: Between “National Security” and Humanity]. RGGU, Moscow, Russia, pp. 280–290.
- Plohotnyuk, T.N. (2018), “Regulation of the situation with Russian citizens in Germany after the outbreak of the First World War”. *Humanitarnye i uridicheskie issledovaniya*, vol. 4, pp. 93–98.
- Starkov, A. (1987), “Introductory article”, in Fedin, K.A., *Goroda i gody* [Cities and years, Sovetskaya Rossiya, Moscow, Russia, pp. 5–11.
- Stibbe, M. (2006), “The Internment of Civilians by Belligerent States during the First World War and the Response of International Committee of the Red Cross” [Online]. *Journal of Contemporary History*, vol. 41, no. 1, available at: <http://www.jstor.org/stable/30036367> [Accessed 16 Oct 2019].
- Stibbe, M. (2008), “Civilian internment and civilian internees in Europe, 1914–1920” [Online], *Immigrants & minorities*, vol. 26, no. 1–2, pp. 49–81, available at: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/02619280802442597> [Accessed 16 Oct 2019].

Информация об авторе

Наталья В. Ростиславлева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, 125993, Москва, Миусская пл., д. 6; ranw@mail.ru

Information about the author

Natalia V. Rostislavleva, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; ranw@mail.ru